

водовъ изъ Рильке. Два изъ нихъ были сдѣланы еще въ 1923 году и уже были напечатаны, остальные переведены теперь. Пытаясь передать духъ, ритмическое своеобразие и настроеніе стиховъ Рильке, я долженъ былъ кое-гдѣ отступить отъ точнаго смысла подлинника. Свои переводы Рильке я считаю лишь слабыми опытами, но другихъ просто не знаю.

Наиболѣе полную библиографію Рильке желающіе могутъ найти въ книгѣ: Robert FAESI. Rainer Maria Rilke. Amalthea-Verlag. Wien-Zurich 1919.

Г. С.

Р.-М. РИЛЬКЕ ПО ПОВОДУ МИТИНОЙ ЛЮБВИ.

Ниже мы печатаемъ письмо Р. М. Рильке по поводу «Митиной любви» И. А. Бунина. Письмо это сообщено намъ русскимъ читателямъ и почитателямъ Рильке, заинтересовавшимся близостью некоторыхъ мыслей въ одной изъ «Дуинскихъ элегий» *) Рильке съ мотивами бунинскаго романа. Рильке очень охотно откликнулся на запросъ своего русскаго читателя. Письмо Рильке написано изъ той самой санаторіи Валь-Монъ, гдѣ 10 мѣсяцевъ спустя онъ такъ неожиданно скончался. Какъ всегда, Рильке отправилъ письмо заказнымъ — по словамъ его друзей, онъ на каждое письмо смотрѣлъ какъ на частицу своей души, слишкомъ драгоценную, чтобы доверять ее превратностямъ почты. Мы приводимъ письмо Рильке цѣликомъ, не называя лишь адресата, по желанію послѣдняго.

Валь-Монъ, черезъ Глюнь,
надъ Территѣ.
Кантонъ Во:
Швейцарія.
25 февраля 1926.

Милый...

участъ того, кто все-же остается жить, конечно, лучше Митиной. Я вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ знакомъ съ обонми, и съ Ка-

*) Заглавіе это происходитъ отъ названія Дуино, маленькаго мѣстечка на Адриатическомъ побережьѣ, гдѣ Рильке писалъ свои «Элегии».

тей и съ Митей, по хорошему французскому переводу «Le Sacrement de l'Amour», прочесть который меня тѣмъ болѣе влекло, что въ прошломъ году въ Парижѣ я имѣлъ возможность самымъ приятнымъ образомъ встрѣтиться съ Иваномъ Бунинымъ... «Случай» Мити это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ нетерпѣнія (и притомъ, одинъ изъ самыхъ чистыхъ и трогательныхъ), когда молодой человѣкъ теряетъ любопытство и способность ожидать теченія событий и выхода изъ невыносимаго положенія и перестаетъ вѣрить въ то, что за этими страданіями, въ которыя вступилъ и вовлеченъ былъ весь міръ, должно послѣдовать что-то иное, можетъ быть, по началу и не болѣе легкое, но, во всякомъ случаѣ и н о е, которое уже въ силу своей инакости, должно было бы представляться болѣе выносимымъ и переносимымъ. Сначала судьба Мити показалась мнѣ не имѣющей ничего общаго съ тѣми душевными состояніями, о которыхъ говорить мое стихотвореніе. Но нѣтъ, вы правы, какъ о «любящемъ», о немъ, конечно, говорится въ этомъ стихотвореніи, хотя онъ и совершаетъ ошибку, смѣшивая въ одно два рѣзко различныя состоянія, которыя противопологаются въ «Восьмой Элегии». Любимая, Катя, эта нѣжная, впечатлительная Катя, впервые даетъ ему тотъ взглядъ на просторъ, который (быть можетъ) приближается къ великому безсознательно-знающему взгляду животного; но едва только онъ покидаетъ любимую дѣвушку, какъ отъ тоски и покинутости, онъ заполняетъ эту открывшуюся ему безпредметную даль, это блаженство, которое есть не что иное, какъ пространство, — тоже любимымъ, близкимъ ему міромъ, который онъ затѣмъ, съ утратой Кати, по необходимости вмѣстѣ съ нею утрачиваетъ, такъ что ему не остается ничего, кромѣ небытія, кромѣ «néant», въ которомъ онъ храбро и послѣдовательно гибнетъ.

Малѣйшая доля любопытства (я намѣренно примѣняю эту саму по себѣ ничтожную мѣрку) къ тому состоянію, которое должно было послѣдовать за этимъ отчаяніемъ, могла бы еще спасти его, хотя онъ дѣйствительно погрузилъ весь міръ, который онъ зналъ и видѣлъ, на маленький, устремляющийся отъ него прочь корабликъ «Катя»...; на этомъ корабликѣ ушелъ отъ него міръ.

«Le Sacrement de l'Amour» передаетъ лучше то, что здѣсь происходитъ, тѣмъ заглавіе «Митина любовь» *). Митина любовь была бы скорѣе неутраченная Катя, счастье, борьба, судьба рядомъ съ ней, и все-же, въ концѣ концовъ, утрата другъ друга, которая была бы съ Катей, какова она есть, неизбежна. Въ этомъ смыслѣ маленький романъ Бунина почти старомодная книга: насъ гораздо больше интересуется то, что происходитъ въ тѣхъ и между тѣми, кто не теряютъ себя на такой даль и все таки должны какъ-то по иному, въ жизни, потерять себя, або не научились любить.

*) Рильке пишетъ тутъ: «нѣ мѣстк о е заглавіе». Но, какъ известно, это есть заглавіе и оригинала. — Ред.

Школьное письмо обращено къ Франциске
Льву Петровичу Смирнову (1902-1929), ском-
панирован. Митинскимъ.

Александр Смирновъ Парижъ 13. XI. 29

«Восьмая элегія» вызываетъ лишь мимоходомъ «любящаго», чтобы показать такой душевный строй человѣка, который на мигъ даетъ тотъ взглядъ на просторъ, который, какъ я предполагаю, составляетъ «беззаботность» (въ нашемъ смыслѣ) животныхъ. Понятіе простора, которое я пытаюсь дать въ этой элегіи, вы должны разумѣть въ томъ смыслѣ, что степень сознательности животнаго вдвигаетъ послѣднее въ міръ безъ того, чтобы оно (подобно намъ) все время противопоставляло себя міру; животное пребываетъ въ мірѣ; мы, въ силу своеобразнаго направленія и подъема нашего сознанія, предстоимъ ему... Подъ «просторомъ» такимъ образомъ, подразумеваются не небо, воздухъ и пространство; для того, кто наблюдаетъ и судить, и они суть «предметъ», а, слѣдовательно, непрозрачны и заперты. Животное, цвѣтокъ, вѣроятно, являются таковыми, не отдавая себѣ въ томъ отчета, а потому они имѣютъ передъ собой ту неопредѣленную свободу, которой у насъ, можетъ быть, равнозначны (въ лучшемъ случаѣ, на самое короткое время) лишь первыя любовныя мгновенія, когда одинъ человѣкъ въ другомъ, любимомъ, какъ бы уходитъ въ свою собственную даль, и еще состояніе приподнятости къ Богу.

Будучи нездоровъ въ данный моментъ, я пишу лишь это немного и недостаточное, но зато — тотчасъ же по полученіи вашего письма. Пусть эти строки пособятъ вамъ, милый читатель трудныхъ элегіи, (кстати, я читаю по русски, хотя далеко уже не съ той легкостью, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, и, конечно, по французски. Замѣчаю это на тотъ случай, если бы вамъ легче было писать мнѣ на одномъ изъ этихъ языковъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы вашъ нѣмецкій языкъ показался мнѣ неудовлетворительнымъ. Напротивъ, онъ вполне вразумителенъ).

(Какъ заглавіе книги Бунина по русски?).

Съ сердечнымъ привѣтомъ

Райнеръ Марія Рильке.

МОЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

1. МОЕ ПРИВѢТСТВІЕ Б. К. ЗАЙЦЕВУ

Въ прошломъ декабрѣ чествовалось 25-лѣтіе литературной дѣятельности Бориса Константиновича Зайцева. На обѣдѣ, данномъ ему его личными друзьями и почитателями, а также людьми, цѣнящими русскую литературу, я привѣтствовала Б. К. нѣсколькими словами. Мое привѣтствіе было написано, но я говорилъ, не вынувъ даже изъ кармана своей бумажки. Навѣрное, я сказалъ и больше и меньше, чѣмъ было въ моей записи, но здѣсь я печатаю именно ее.

«Васъ сегодня всѣ хвалятъ. Это нестерпимо для того, кого хвалятъ: своего рода китайская пытка. И страшно пріятно для тѣхъ, кто хвалятъ: своего рода теплая и, иногда, даже горячая ванна, въ которой самъ купаешься и подчасъ паришься.

«Я, какъ умѣренный и, можно сказать, говоря отвратительнымъ жаргономъ современности, спецъ по части умѣренности, изберу средней путь. Не буду терзать Васъ китайской пыткой дружескихъ похвалъ и даже не посажу Васъ вмѣстѣ съ собой въ горячую или теплую ванну изъ такихъ похвалъ.

«Вы писатель чувствительный. За это Васъ любятъ читатели — всегда, вездѣ читатели, въ простотѣ душевной, въ душевномъ здоровьѣ, не доступномъ критикамъ, не въ обиду будь имъ сказано, любили, любятъ и будутъ любить чувствительность. Ибо читатель хочетъ, вмѣстѣ съ писателемъ, расчувствоваться, погрузиться, поплакать и потомъ — воспарить.

«Это ему нужно, и на это онъ имѣетъ право.

«Еще разъ, Вы писатель чувствительный. И этимъ Вы напоминаете, на свой ладъ, фигуру того знаменитаго писателя, столѣтіе смерти котораго исполнилось въ этомъ 1926 году. Помните параллель чувствительнаго и холоднаго. Есть именно и среди писателей эти два разряда. Вы всецѣло чувствительный, гораздо болѣе чувствительный, чѣмъ былъ Карамзинъ. Въ Васъ совѣтъ нѣтъ ни холода, ни металла. Ни въ содержаніи Вашемъ, ни въ Вашемъ стилѣ, нѣтъ ни того, ни другого. Въ галереѣ Вашихъ современниковъ, старшихъ, ибо — увы! — для многихъ изъ насъ Вы еще молодой человѣкъ, я отчетливо вижу холодныхъ и металлическихъ. Такимъ былъ — не коммунизмомъ и не совѣтчиной будь помянутъ! — покойникъ В. Я. Брюсовъ, крупный писатель и одаренный человѣкъ. Таковъ, съ совершенно своимъ, особымъ лицомъ, нашъ знаменитый предсѣдатель, или «презусъ», Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ. Онъ, какъ металлъ, обжигаетъ и рѣжетъ своимъ холодомъ.

«Вы же — чувствительный и облачный, нѣтъ, пожалуй, нужно сказать другое слово, дымчатый.

«Вы всегда чувствуете и даете и себя чувствовать и надъ Вами расчувствоваться, пребывая сами въ какомъ-то очаровательномъ облакѣ и въ какой-то плѣнительной дымкѣ. Простите, если я Васъ хвалю, но вѣдь я все таки говорю юбилейное привѣтствіе, а не совершаю трупоразятіе, какъ любилъ говорить Герценъ.

«И стиль Вашъ облачный и дымчатый, не металлическій и не прозрачный.

«Тотъ знаменитый французскій писатель, о которомъ иногда говорятъ, что у него вовсе не было стиля, Стендаль, самъ о себѣ повѣдалъ, что онъ упражнялся или тренировался въ стилѣ, читая и вчитываясь въ гражданское уложеніе Наполеона. Это — апогей стиля холодныхъ писателей.

«Вы же въ своемъ стилѣ просто отдаетесь потоку Вашей собственной чувствительности.